

РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗОВ РОМАНА ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ

Е.Р. Лочмелис

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; dostfm182181@mail.ru*

Аннотация: В центре внимания рок-поэтов оказывается программный текст Достоевского — роман «Преступление и наказание» — и его герои: старуха-процентщица, Свидригайлов и сам Раскольников.

Герой рок-поэзии живет в изначально заданном антипространстве, где государство — хорошо организованная структура, существующая за счет подавления личности. Классическая интерпретация смысла романа — падение и последующее воскрешение души человеческой — оказывается невозможной в рамках этого направления: рок-поэт болезненно сосредотачивается на первопричине социальной несправедливости, символически воплощенной в «вечном» образе старухи-процентщицы. Акцентированный мотив ее бес-смертия делает конфликт личности и существующей системы трагически неразрешимым.

«Я» лирического героя совпадает с сознанием Раскольникова. Главный герой романа оказывается всего лишь «одним из», всяким и каждым, кто решится бросить вызов системе — и проиграет. Нравственный смысл романа реинтерпретируется: он только поддерживает существующий порядок, показывая невозможность борьбы, потому что преступление оборачивается против самого восставшего, который не способен выдержать мук совести.

Происходит перераспределение «веса» персонажей. Обостренное переживание бессмысленности борьбы с существующим миропорядком и социальной несправедливостью толкает рок-поэтов к антигероям Достоевского, в частности к Свидригайлову, который становится самостоятельной фигурой, исполненной высокого трагизма. Он, как и все, грешен, в своем крайнем цинизме лишен даже возможности обманываться, и последнее, что ему остается, — горькая ирония над собой, жизнью и даже экзистенциальной проблемой посмертного бытия человека.

При этом Сонечка Мармеладова — нравственный антипод Раскольникова — встречается в текстах лишь единожды, поскольку не включена в конфликт личности и общества, а выступает его жертвой, как и сам Раскольников (следовательно, это место в системе персонажей уже занято героем, характер которого тождественен лирическому «я» рок-поэта, более выразителен и схож с демоническими образами мрачного, готического романтизма).

Ключевые слова: русский рок; рок-поэзия; Достоевский; «Преступление и наказание»; система персонажей; реинтерпретация

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-02-11

Для цитирования: Лочмелис Е.Р. Реинтерпретация образов романа Достоевского «Преступление и наказание» в русской рок-поэзии // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 166–176.

REINTERPRETATION OF IMAGES FROM DOSTOEVSKY'S NOVEL *CRIME AND PUNISHMENT* IN RUSSIAN ROCK POETRY

E. Lochmelis

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dostfm182181@mail.ru

Abstract: Russian rock poets focus on Dostoevsky's novel *Crime and Punishment* and its characters: the old woman pawnbroker, Svidrigailov and Raskolnikov.

The hero of rock poetry lives in the initially given anti-space, where the state is a well-organized structure that exists due to the suppression of personality. The classic interpretation of the novel's idea — the fall and subsequent resurrection of the human soul — is impossible for the rock poet, who is painfully focused on the root cause of social injustice, symbolically embodied in the 'eternal' image of the old woman pawnbroker. The emphasized motive of her immortality makes the conflict of personality and the existing system tragically insoluble.

The 'self' of the lyrical hero coincides with the consciousness of Raskolnikov. The main character of the novel turns out to be only 'one of many', any of those who decide to challenge the system — and lose. The moral meaning of the novel is reinterpreted: it only maintains the existing order, showing the impossibility of struggle, because the crime turns against the rebel himself, who is not able to withstand the torment of conscience.

There is a redistribution of the 'weight' between the characters. The heightened experience of the meaningless struggle with the existing world order and social injustice pushes rock poets to Dostoevsky's anti-heroes, in particular to Svidrigailov, who becomes an independent tragic figure. He, like everyone, is sinful, in his extreme cynicism he is even deprived of the opportunity to deceive himself — and the last thing remaining for him is bitter irony of himself, life and even the existential problem of human afterlife.

At the same time, Sonya Marmeladova — the moral antipode of Raskolnikov — is mentioned in the texts only once, since she is not included in the conflict of personality and society, but acts as its victim, like Raskolnikov himself (therefore, this place in the system of characters is already occupied by a hero, whose nature is identical to that of the rock poet, more expressive, and similar to the demonic images of gloomy, gothic romanticism).

Keywords: Russian rock; rock poetry; Dostoevsky; *Crime and Punishment*; character system; reinterpretation

For citation: Lochmelis E. (2024) Reinterpretation of Images from Dostoevsky's Novel *Crime and Punishment* in Russian Rock Poetry. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 2, pp. 166–176.

Содержание русского рока варьируется от легкого до мрачного и философского, но тяготеет к последнему, именно поэтому идеологичность и философичность романов Достоевского служит источником вдохновения для рок-поэтов: их роднит не только тема одиночества личности, выступившей против системы, но и трагизм мироощущения, связанный с невозможностью устройства лучшей жизни при постоянном нарастании негативных тенденций в обществе.

Творчество Достоевского характеризуется оксюморонным совмещением противоположных начал, несоответствием внешнего и внутреннего, что оказывается парадоксально созвучным поэтике рок-текстов, в пространстве которых совмещаются «приемы и массовой культуры, и культуры элитарной» [Доманский 2010: 9].

В центре внимания рок-поэтов оказывается программный текст Достоевского — роман «Преступление и наказание» — и его герои: *старуха-процентщица, Свидригайлов и сам Раскольников*. Интересно, что в списке выявленных текстов (как и среди анализируемых предшественниками) практически отсутствуют даже упоминания Сони Мармеладовой, тогда как старуха-процентщица делается, напротив, центральной фигурой и воплощает «неустранимое социальное зло» [Ильин 2012], что говорит о произошедшем семантическом сдвиге.

Герой рок-поэзии существует в изначально заданном антипространстве, где «государство — это аллегория системности» [Авилова, Васильчук 2013: 57], хорошо организованная структура, существующая за счет подавления личности.

Таков художественный мир поэзии А.Е. Непомнящего (1968–2007), чей лирический герой вынужден действовать в ситуации отсутствия нравственных ориентиров, а значит, и возможности найти путь спасения. Ему открыта истина: это ад, раскинувшийся как снаружи, так и внутри людей, зараженных «ядом разъединения» [Непомнящий 2001]. Между ними «стекло отчуждения» [Там же], а всем руководит «министерство путей разобщения» [Там же] (ср. с «департаментом подлости и вздоров» [Гоголь 1938: 446]), то же и у Достоевского: Петербург — город одиноких и чуждых, враждебных друг другу людей.

В своей «борьбе за жизнь» нравственную, ценностно содержательную лирическое «я» Непомнящего совпадает с Раскольниковым как жертвой социальной несправедливости, но при этом обладает

большей полнотой знания (строки «Есть искушение, что поможет обрез» или «топор», перечеркнутые категорическим «больше не поможет ничто» [Непомнящий 2001]), ведь из классической литературы уже вынесен урок. Нравственный смысл романа оказывается реинтерпретирован: он только поддерживает существующий порядок, показывая невозможность борьбы, ведь преступление обернется против самого восставшего. Обе дороги — самоубийство и самосуд — ни к чему не приведут, поскольку механизм действующей системы отлажен и перемелет каждого, кто решится на индивидуалистический протест:

*Старушка-процентщица живеи всех живых —
Её больше, чем нас, её больше, чем их.
И все мы пожизненно ей что-то должны
И ещё должны чуйствовать чуйство вины.*

[Непомнящий 2001]

Издательская интонация связана с тем, что пытка совестью — это не то «наказание», которого заслуживает герой как жертва системы. В этом прочитывается полемически заостренный диалог поэта с Достоевским, в массовом сознании оставшимся «защитником униженных и оскорбленных», «великим гуманистом».

Схоже образ старухи-процентщицы обрисован и в «Куплетах старухи-процентщицы» группы «Зимовье зверей» (К.Ю. Арбенин, род. 1968).

Так, жанровое определение «куплеты» подчеркивает соотносённость песни с частушкой, которая прослеживается на всем протяжении текста, откликнувшегося на социальную новизну («дивиденды», «сберкнижка») и наполненного энергией живой разговорной речи («опосля», «квартира», «шпиён», «топор не нужен» и т. д.) [Арбенин 2006].

В жанре частушки значительная роль отводится четкости оценок, подчеркнутой эмоциональности, шутке: комизм «Куплетов» строится на смене точки зрения и системном смещении оценок, поскольку вся песня — лирический монолог старухи-процентщицы, а для монолога характера модальность самооправдания. Ср.: «Это была крошечная, сухая старушонка» [Достоевский 1989: 8–9] и характеристики «дама в годах», «вполне компанейская тётушка», которая «практична, умна, обязательна» [Арбенин 2006]. Она не лишена обаяния и некоторой доли кокетства: «Я стара, но ко мне, тем не менее, / Иногда даже ходят студенты». (Ср.: «Родион Романыч стоит на углу, <...> / Он точит топоры, он правит бритву, / Он охоч до престарелых дам» [Науменко 1983]).

В содержательно-композиционном отношении монолог делится на две части. В первой рассказывается о приходе Раскольниковова: здесь заметно расширение объема знаний персонажа — процентщице известно, что Раскольников прячет под мышкой топор (поначалу интрига сохраняется: «*Нечто* прятал, бродяга, под мышкою» [Арбенин 2006]), она выдворяет его из квартиры — и трагедия обрывается выдумкой. Во второй же говорится о том, что на пороге появляется сам Достоевский: «Приходил тут один, / С головой не в ладах, / Описать обещался в романчике» [Там же], — здесь реализуется одно из распространенных в массовом сознании представлений о Достоевском как о «юродивом», «припадочном», «сумасшедшем» [Загидуллина 1999: 86].

Однако за внешним комизмом интонаций и положений звучит важная для романистики XIX в. тема денег, лежащих в основе межчеловеческих отношений: люди расплачиваются векселями, за счет чего расширяется сеть взаимных обязательств. Потому и слова старухи-процентщицы производят пугающее впечатление: «Мне милей векселя — в них иная строка / Посильнее любого там Фауста» [Арбенин 2006] или «Хоть ножом меня режь, / Хоть сатирой сражай, / Всё одно — ничего не изменится. / Я опять соберу / Ваших душ урожай / А шарманка их смеет, как мельница!» [Там же]. Аккомпанемент шарманки («раздаются стенанья шарманки» [Там же]) не случаен — эта контрастно звучащая деталь привносит в текст песни отзвуки трагедии, развернувшейся в романе: «<...> звуки нанятой шарманки и детский, надтреснутый семилетний голосок» [Достоевский 1989: 21].

Образ старухи-процентщицы сопоставляется с такими фольклорными персонажами, как Кощей Бессмертный («Я над златом цвету, а не чахну») и Баба-Яга: «двор петербургский колодезный» — «болотистый полумрак» — «болото» [Арбенин 2006], в которое «только ступишь ногой — и вовек не уйдёшь, не отцепишься» [Там же]. Наличие таких отсылок вкупе с литературными говорит о гетерогенном характере текста, опирающегося на индивидуально-авторскую и фольклорную традиции.

Старуха-процентщица оказывается наделенной неограниченной властью над человеческими душами, которые заносит к ней «лысый чертушка» [Там же], и так сблизается не только с сатирическим типом ростовщика, но и с «вечными образами» русской и зарубежной литературы: «не зря изучают писатели» ее «вечно живую натуру» [Там же].

Следовательно, мотив бессмертия старухи-процентщицы должен трактоваться следующим образом: в восприятии рок-поэта Алена Ивановна становится «право имеющей» [Достоевский 1989: 244–248], и деньги дают ей власть «над всею дрожащею тварью и над всем

муравейником» [Там же: 311], тогда как его [поэта] лирическое «я» совпадает с сознанием Раскольникова: «Я для них тварь дрожащая, / Остальные вообще никто» (В.Е. Скородед, род. 1965) [Скородед 2011], в «Уездном городе N» Раскольников напрямую называется «молодежным героем», «затевявшим битву с дураками» (М.В. Науменко, 1955–1991) [Науменко 1983], но парадоксально впадшим в конфликт с самим собой. Крах его теории предрешен, главным дураком оказывается сам герой — решивший позволить себе преступление по совести и не выдержавший мучений последней.

Итак, классическая интерпретация смысла романа — падение и последующее воскрешение души человеческой — оказывается невозможной в рамках русской рок-поэзии. Поскольку поэтический текст не предполагает объективного взгляда со стороны, ситуация показана «изнутри»: поэт болезненно сосредотачивается на первопричине социальной несправедливости, символически воплощенной в «вечном» образе старухи-процентщицы, заостряет противоречия и представляет конфликт личности и существующей системы трагически неразрешимым. Последнее делает *старуху-процентщицу* — наравне с Раскольниковым — *центральной персонажем лирики этого направления*.

Раскольников в сознании рок-поэта предстает человеком, бросившим вызов существующей системе, но не понимающим, что его замысел заведомо обречен, при этом нередко подчеркивается почти комическое противоречие между социальной униженностью героя и владеющей им идеей («Вы — развратнейший тип, я тебя зарублю, / Вот только встану с постели и займу два рубля» [Киселев 1999]).

Примерно так же этот образ осмысляется и в песне «Умки и Броневичка» (А.Г. Герасимова, род. 1961) «Раскольников» [Герасимова 1986]. Обращает на себя внимание характер исполнения — женский вокал и печальные, почти медитативные интонации, только усиливающие впечатление от трансформации философской проблематики романа. Раскольников здесь называется «самым главным психом» и «автором множества покойников / Метафизических».

С одной стороны, он — «горестный комик» [Герасимова 1986], который как-то странно и вдруг обнаружил, что он «такая же точно вошь, как и все» [Достоевский 1989: 397]. Раскольников, по Писареву, «был слишком хорошим критиком, чтобы быть хорошим актером» [Писарев 1894: 337], потому ему и кричат: «Кончай!» [Герасимова 1986].

С другой стороны, герой — явление, пропущенное психиатрией. Писарев отрицает сумасшествие Раскольникова и выводит формулу: «Корень его болезни таился не в мозгу, а в кармане. Он был беден, <...> озлоблен, но нисколько не помешан» [Писарев 1894: 292]. Ум же его — «казуистический» [Там же: 329].

В этом контексте уточнение про «метафизических» покойников получает горько-ироническое звучание: и теория, и простая «арифметика» оказались не приложимы к жизни, а сам Раскольников выступил как автор отвлеченной абстракции и «больше ничего» [Герасимова 1986]. Отсюда и апатия («Он пьет остывший чай» [Там же], ср.: «Он лежал как давеча. Чай стоял нетронутый» [Достоевский 1989: 67]), и одиночество («И только Соня Мармеладова / На коленях перед ним» [Герасимова 1986]), которое усиливается за счет повторяющегося «они».

Очевидно, что эти номинации Раскольникова — разноголосица мнений-выкриков, доносящихся откуда-то со стороны, нарушающих одиночество и оттого ненавистных, через них воссоздается образ Петербурга, а оппозиция «я — другой», «свой — чужой» делается еще более устойчивой. Не случайно при всей синтаксической неоднозначности именно к этим «другим» обращены рефреном повторяющиеся строки: «Но я не верю им» и «Я ненавижу их», т. е. «стритовых алкоголиков», пророчащих героям «муку адову», связанную рифмой с именем Сони Мармеладовой [Там же]. Внутренняя убежденность в правомерности подчеркнутого «неверия» основывается на смысле эпилога и евангельском сюжете о воскрешении Лазаря.

Другим персонажем, имеющим надежду на возрождение, является *Свидригайлов* — двойник Раскольникова, конченный человек, чья последняя и единственная надежда на перерождение — Авдотья Романовна. Свидригайлов в разговоре с Раскольниковым, утверждающим, что «не верит в будущую жизнь» [Достоевский 1989: 272], вдруг говорит: «<...> будет там одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность» [Там же: 272].

При этом на вопрос Раскольникова («А вы могли бы застрелиться?») Свидригайлов отвечает: «...боюсь смерти и не люблю, когда говорят о ней. Знаете ли, что я мистик отчасти?»

Свидригайлов действительно мистик, и стремление уравновесить свои грехи предсмертными благодеяниями вкупе с видениями и кошмарами тому подтверждение, иначе «для чего <...> тогда <...> делать добро, если я умру на земле совсем?» [Достоевский 1996: 550–551].

Следовательно, Свидригайлов верует в Бога, высшую справедливость и в воздаяние за грехи, а значит, боится смерти, потому и выдумывает для нее шуточный эвфемизм — «вояж» в Америку:

Аркадий Иванович едет в Америку,
Желает вам, господа, не скучать...

[Непомнящий 1999b]

Рассмотренный комплекс мотивов составляет «ядро» характеристики Свидригайлова, при этом название альбома Непомнящего «Новые Похождения А.И. Свидригайлова (1968–1994)» задает лирического субъекта всего цикла.

«Свидригайловская банька» открывается образом «скользящей, крутой в небо лесенки» [Непомнящий 1999b], который задает вертикальную оппозицию «верха» (ценностно значимое, Рай) и «низа» (отторгаемое лирическим героем настоящее, Ад). Человек вправе сам сделать выбор между Раем и Адом, но ему «полчуда не хватает до вечности», а потому и «свидригайловская банька» раскидывается «от земли до звезд» и становится метафорой не только загробной, но и действительной жизни, Ада на земле «с пауками по углам да с чертями по дверям», где «вечно душно и тепло, свечку сажей замело».

Ограниченное — тупиковое — пространство тюрьмы и бани претерпевает гротескные трансформации, одновременно расширяясь и сужаясь до размеров комнаты.

«Вояж» Свидригайлова — следствие утраченных надежд; мотив принципиальной невозможности достичь мудрости, радости, неба у Непомнящего усиливается троичным повтором («полпяди-вдохачуда») и глаголами совершенного вида («не хватило»).

Свидригайлов надеялся на спасение: в системе персонажей романа Дуня может рассматриваться как функциональный двойник Сони Мармеладовой, поскольку ей также надлежало спасти «великого грешника». Однако, в отличие от Раскольникова, Свидригайлов оказывается недостойн «воскрешения»; его преступление («больные радости» и «невольные гадости») страшно тем, что совершено против ребенка. Детскость черт — признак душевной чистоты, искренности, невинности:

А лицо у Христа было детское,
Но морщинкой сквозь лицо — одиночество.

[Непомнящий 1999b]

«Песенка про Аркадия Ивановича Свидригайлова» строится как прощание с жизнью: «Давай устроим шикарные проводы». Земная жизнь лишена содержания и красок: «Пустые улицы в даль без надежд», «А мир какой-то замызганный, серенькой» — и все же страх перед уходом из жизни слишком силен: «Руки попросит *душонка* в истерике» [Непомнящий 1999a].

Лирическому герою и Свидригайлову, оказавшимся на перепутье («На перекрестке внезапные стрелочки — / Кому домой, а нам, *грешным*, в объезд»), нет дороги к Богу («Кисель вранья о прекрасных мирах») и нет жизни на земле: земное существование — тюрьма («нас

забыли в тюрьме»), вечность же для них — банька с пауками, «симпатично зелеными чертиками» и «разговорами о чем-то святом».

В песне Е. Летова (И.Ф. Летов, 1964–2008) «Сто лет одиночества» «развеселый анекдотец про то, как Свидригайлов собрался в Америку» [Летов 1993] появляется уже после того, как «на седьмой день» [Бог] «махнул рукой», и становится приметой готовящегося самоубийства в оставленном Богом мире, из которого исчезают субституты категории прекрасного в поэтике Достоевского (красота, Иисус Христос, ребенок).

Таким образом, обостренное переживание бессмысленности борьбы с существующим миропорядком и социальной несправедливостью, государством, подавляющим любые попытки личности отстоять самое себя, толкает рок-поэтов к антигероям Достоевского.

Происходит перераспределение «веса» персонажей. Главный герой романа оказывается всего лишь «одним из», всяким и каждым, кто решится бросить вызов системе — и проиграет, тогда как значимость фигур Алены Ивановны и Свидригайлова, напротив, возрастает. Так, старуха-процентщица — аллегорическое воплощение государственности; Свидригайлов не двойник Раскольникова, а самостоятельная фигура, исполненная высокого трагизма: он, как и все, грешен, отрезан от Рая, в своем крайнем цинизме лишен даже возможности обманываться, и последнее, что ему остается, — горькая ирония над собой, жизнью и даже экзистенциальной проблемой посмертного бытия человека.

При этом Сонечка Мармеладова — нравственный антипод Раскольникова и один из центральных образов романа — встречается в текстах лишь единожды, поскольку не включена в конфликт личности и общества, а выступает его жертвой, как и сам Раскольников (следовательно, это место в системе персонажей уже занято героем, характер которого тождествен лирическому «я» рок-поэта, более выразителен и схож с демоническими образами мрачного, готического романтизма).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авилова Е.Р., Васильчук Е.О.* Категория абсурда в идейном базисе панк-субкультуры // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сб. науч. тр. Вып. 14. Тверь, 2013. С. 53–61.
2. *Арбенин К.* («Зимовье зверей»). «Куплеты старухи-процентщицы», 2006. [Электронный ресурс] URL: <http://www.zzverey.spb.ru/list.php?id=23&text=385> (дата обращения: 08.10.2023).
3. *Герасимова А.* («Умка и Броневинок»). «Раскольников», 1986. [Электронный ресурс] URL: <https://teksty-pesenok.ru/rus-umka-i-bronevichok/tekst-pesni-raskolnikov/1939017/> (дата обращения: 08.10.2023).

4. Гоголь Н.В. Шинель. I. Повесть о чиновнике крадущем шинели // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 3. Повести. М.; Л., 1938. С. 446–450.
5. Доманский Ю.В. Русская рок-поэзия: текст и контекст. М., 2010.
6. Достоевский Ф.М. «Преступление и наказание» // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 5. Л., 1989.
7. Достоевский Ф.М. Письма. 190. Н.Л. Озмидову. Февраль 1878. Петербург // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 15. СПб., 1996. С. 550–551.
8. Загидуллина М.В. Пушкин и Достоевский как народные герои (к вопросу о массовом восприятии личности и судьбы гения) // Вестник Челябинского университета. Сер. 2. 1999. № 1. С. 84–90.
9. Ильин А. («План Ломоносова») «Киберпанк», 2012. [Электронный ресурс] URL: <https://genius.com/Plan-lomonosova-cyberpunk-lyrics> (дата обращения: 08.10.2023).
10. Киселев В. (Василий К.). «Достоевский жив», 1999. [Электронный ресурс] URL: <http://vassilyk.ru/dostoevskiy/> (дата обращения: 08.10.2023).
11. Науменко М. («Зоопарк»). «Уездный город N», 1983. [Электронный ресурс] URL: <https://lyricsworld.ru/lyrics/Zoopark-Mayk-Naumenko/Uezdnyiy-gorod-N-10691.html> (дата обращения: 08.10.2023).
12. Непомнящий А. «Песенка про Аркадия Ивановича Свидригайлова» // Новые похождения А. И. Свидригайлова (1968–1994), 1999а. [Электронный ресурс] URL: https://www.nepomn.ru/song.php?variant_id=224 (дата обращения: 08.10.2023).
13. Непомнящий А. «Свидригайловская банька» // Новые похождения А.И. Свидригайлова (1968–1994), 1999б. [Электронный ресурс] URL: https://www.nepomn.ru/song.php?variant_id=222 (дата обращения: 08.10.2023).
14. Непомнящий А. «Стекло (Отчуждение)», 2001. [Электронный ресурс] URL: https://www.nepomn.ru/song.php?variant_id=270 (дата обращения: 08.10.2023).
15. Писарев Д. И. Борьба за жизнь // Писарев Д.И. Сочинения: полное собрание в 6 т. Т. 6. СПб., 1894. С. 283–345.
16. Скородед В. («Монгол Шуудан»). «Любо, любо мне» (альбом «Естественный отбор»), 2011. [Электронный ресурс] URL: <https://genius.com/Mongol-shuudan-nicely-to-me-nicely-lyrics> (дата обращения: 08.10.2023).

REFERENCES

1. Arbenin K. (“Zimov’e zverej”). *Kuplety staruhi-procentshhicy* [Verses of the old woman pawnbroker], 2006. [Electronic resource] URL: <http://www.zzverey.spb.ru/list.php?id=23&text=385> (accessed: 08.10.2023). (In Russ.)
2. Avilova E.R., Vasil’chuk E.O. *Kategoriya absurda v ideynom bazise pank-subkul’tury*. [The category of the absurd in the ideological basis of the punk subculture]. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context]. №14. Tver’, 2013. P. 53–61. (In Russ.)
3. Domanskiy Yu.V. *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst* [Russian rock poetry: text and context]. Moscow, *Intrada — Izdatel’stvo Kulaginoy*, 2010. 230 p. (In Russ.)
4. Dostoevsky F.M. *Pis’ma*. 190. N.L. Ozmidovu. *Fevral’ 1878. Peterburg* [Letters. 190. To N.L. Ozmidov. February 1878. Petersburg]. Dostoevsky F.M. *Collected Works: in 15 vol. T. 15. St. Petersburg: Nauka*, 1996. P. 550–551.
5. Dostoevsky F.M., *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. Dostoevsky F.M. *Collected works in 15 vol. Leningrad, Nauka*, 1989. T. 5. 575 p. (In Russ.)

6. Gerasimova A. (“Umka i Bronevichok”). *Raskolnikov* [Raskolnikov], 1986. [Electronic resource] URL: <https://teksty-pesenok.ru/rus-umka-i-bronevichok/tekst-pesni-raskolnikov/1939017/> (accessed: 08.10.2023). (In Russ.)
7. Gogol N.V. *Shinel I. Povest’ o chinovnike kradushhem shineli* [Overcoat. I. The story of the clerk who steals overcoats] // Gogol N.V. Complete works: in 14 vols. T. 3. Tales. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publishing House, 1938. P. 446–450. (In Russ.)
8. Il’in A. (“Plan Lomonosova”) *Kiberpank* [Cyberpunk], 2012. [Electronic resource] URL: <https://genius.com/Plan-lomonosova-cyberpunk-lyrics> (accessed: 08.10.2023). (In Russ.)
9. Kiselev V. (Vasily K.), *Dostoevskij zhiv* [Dostoevsky is alive], 1999. URL: <http://vassilyk.ru/dostoevskiy/> (accessed: 18.09.2023) (In Russ.)
10. Naumenko M. (“Zoopark”), *Uezdnyj gorod N* [District town N], 1983. URL: <https://lyricsworld.ru/lyrics/Zoopark-Mayk-Naumenko/Uezdnyiy-gorod-N-10691.html> (accessed: 18.09.2023) (In Russ.)
11. Nepomnyashchij A. *Pesnja pro Arkadija Ivanovicha Svidrigajlova* [Song about Arkady Ivanovich Svidrigailov] // New Adventures of A.I. Svidrigailov (1968–1994), 1999a. [Electronic resource] URL: https://www.nepomn.ru/song.php?variant_id=224 (accessed: 08.10.2023). (In Russ.)
12. Nepomnyashchij A. *Steklo (Otchuzhdenie)* [Glass (alienation)], 2001. [Electronic resource] URL: https://www.nepomn.ru/song.php?variant_id=270 (accessed: 08.10.2023). (In Russ.)
13. Nepomnyashchij A. *Svidrigajlovskaja ban’ka* [Svidrigailov’s bathhouse]. New Adventures of A. I. Svidrigailov (1968–1994), 1999b. [Electronic resource] URL: https://www.nepomn.ru/song.php?variant_id=222 (accessed: 08.10.2023). (In Russ.)
14. Pisarev D.I. *Bor’ba za zhizn’* [The struggle for life]. Pisarev D.I. Complete Works in 6 vol. Vol. 6. St. Petersburg: F. Pavlenkov, 1894. P. 283–345. (In Russ.)
15. Skoroded V. (“Mongol Shuudan”). *Ljubo, ljubo mne* [Lovely, lovely to me] (album “Natural selection”), 2011. [Electronic resource] URL: <https://genius.com/mongol-shuudan-nicly-to-me-nicly-lyrics> (accessed: 08.10.2023). (In Russ.)
16. Zagidullina M.V. *Pushkin i Dostoevskij kak narodnye geroi (k voprosu o massovom vosprijatii lichnosti i sud’by genija)* [Pushkin and Dostoevsky as folk heroes (on the issue of mass perception of the personality and fate of a genius)]. *Bulletin of Chelyabinsk University. Ser. 2*, 1999. P. 84–90. (In Russ.)

Поступила в редакцию 13.10.2023

Принята к публикации 10.12.2023

Отредактирована 10.01.2024

Received 13.10.2023

Accepted 10.12.2023

Revised 10.01.2024

ОБ АВТОРЕ

Лочмелис Елизавета Романовна — аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; dostfm182181@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elizaveta Lochmelis — PhD Candidate, Department of Russian Literary History, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; dostfm182181@mail.ru